

**Susanne
Leonhard**

Fahrt ins Verhängnis

Als Sozialistin
in Stalins Gulag

текст **Евгений ПЛАТУНОВ**

Внучка банкира и выпускница Берлинского университета Сюзанна Леонгард в 1947 году работала в школе села Кубанка Калманского района секретарем и бухгалтером. Она начинала свою политическую жизнь соратницей Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а закончила как мать печально известного «советолога» Вольфганга (Володи) Леонгарда, который был, помимо прочего, наставником будущего президента США Джорджа Буша-младшего

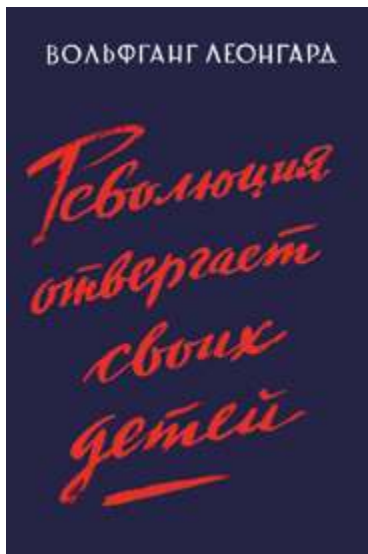
Первую свою книгу Сюзанна Леонгард издала в Берлине в 1920 году. Тогда ей было 25 лет. Исследование «Подпольная литература революционной Германии во время мировой войны» было подготовлено совместно с главным библиотекарем Социал-демократической партии Германии, историком марксизма Эрнестом Драном. Почти сразу появилось и русское издание книги.

Спустя почти три десятка лет Сюзанна Леонгард написала другую книгу — «Украденная жизнь. Судьба политической эмигрантки в Советском Союзе» (первое издание: Франкфурт-на-Майне, 1956), в которой

в Томской области — 5 830, в Кемеровской области — 4 888, в Омской области — 1 869, в Тюменской области — 1 785 человек.

Сюзанна Леонгард вместе с сыном Вольфгангом (Володей) бежала в Советский Союз из нацистской Германии в 1935 году через Швецию и Финляндию. Но она была арестована как «троцкистка» и осуждена к заключению на севере страны. После окончания срока заключения Сюзанна попала на Алтай. Из ее мемуаров можно получить представление, как старожилы и новые пришельцы работали вместе в сельской глубинке.

«...Однажды, идя утром на работу с совершенно опухшим лицом, я встретила главного агронома

подробно рассказала о жизни алтайской деревни в послевоенное время. Издание представляет наших земляков, русских и немцев. Автор скрупулезно привела их имена и должности.

В августе 1948 года Сюзанна Леонгард вернулась в Германию. Сначала она проживала в Восточном Берлине, но весной 1949 года переехала в Западную Германию, где была арестована американской контрразведкой и семь месяцев содержалась в заключении по подозрению в работе на советскую разведку. Несмотря на свои антисталинские взгляды, она отказалась сотрудничать с американцами.

На Алтае Сюзанна Леонгард познакомилась с российскими немцами.

В 1945 году состоялась репатриация советских граждан немецкой национальности в Советский Союз из Германии. По приблизительным подсчетам, к моменту окончания войны за рубежом оказалось 300-350 тысяч немцев — граждан СССР. В Советский Союз возвращены около 200 тысяч немцев-репатриантов: 70% из них были размещены в РСФСР, 20% — в Казахстане, 10% — в других республиках. В Западной Сибири число репатриантов составило 41,5 тысяч человек: в Алтайском крае — 13 841, в Новосибирской области — 13 262,

Вольфганг Леонгард

Алексея Степановича Панина. Он спросил меня о моем самочувствии. Я ответила: «У меня болезнь сердца и почек. Посмотрите на мои опухшие ноги! А к вечеру намного, намного хуже, чем сейчас. — Да, а как же? — Появляются отеки, скопление воды в тканях. Для меня нужна другая работа!» Я получила новое задание: «Иди сегодня на ток, подметай там, завтра я тебя переведу в другую бригаду». Главной на токе была Маруся Грищенко: «Мне здесь не нужны бездельники», — закричала она на меня.

Но тут пришла агроном и дала мне веник и лопату. На следующий день меня отправили на овощные поля. Там я познакомилась с поволжской немкой Эмилией Ивановной Глекнер, которая до середины мая работала учительницей немецкого языка на станции Калманка, а потом попала в совхоз в Кубанке на полевые работы».

Российская немка помогла политэмигрантке найти новую работу: «Меня вдруг вызвали на встречу с молодым директором школы Черненко, его заместителем Афониным и школьным инспектором из Калманки. Они спросили меня, не хочу ли я работать секретарем в школе уже со следующего дня. Позже я узнала от Эмили Глекнер, как произошел этот переворот в моей судьбе. Инспектор школы, неожиданно приехавший из Калманки, хотел ознакомиться с протоколом педсовета и был потрясен количеством орфографических ошибок в этом документе, который оформила секретарь Любовь Ермоленко. «Ох ты, Боже мой! Какого же безграмотного секретаря вы приняли на работу! Других кандидатур у вас не было?» Тут директор вытащила из ящика стола мое заявление.

— Да, но она переселенка и иностранка.

Однако инспектора, похоже, больше волновала орфография, чем национальность.

— Безупречный русский язык. Написано аккуратно, без ошибок и к тому же красивым почерком. У женщины академическое образование, как свидетельствует и она сама. Так что надо попробовать использовать эту берлинку.

Так я стала секретарем и бухгалтером школы в совхозе в селе Кубанка».

Вольфганг Леонгард написал о матери в книге «Революция отвергает своих детей»: «Официально моя мать была осуждена «только» на пять лет — срок, который считался в период чисток 1936–1938 годов небольшим. Срок этот истекал в октябре 1941 года. После начала войны, однако, освобождение всех политических заключенных — лишь за некоторым исключением — было приостановлено. По окончании войны, казалось, наступило, наконец, время их освобождения. Неоднократно пытался я предпринять что-либо через отдел кадров, но каждый раз получал отрицательный ответ. Наконец, я обратился, — будучи у него в гостях, — к самому Вильгельму Пику,

Здание амбара в селе Кубанка. 1940-е годы.

Из архива Надежды Частухиной, учителя истории и руководителя музея «История села Калманка и Калманского района»

который знал мою мать еще со времен «Спартака» и «путча Каппа» 1920 года.

— Пока что ничего еще нельзя сделать, Вольфганг, — сказал мне Пик, — но мы будем пытаться дальше. Как только представится возможность, я тебе сообщу.

Наконец, в феврале 1947 года Пик пригласил меня в свою виллу в Нидершёнгаузене.

— Появилась одна возможность! Я узнал, что твою мать могут освободить и она приедет сюда. Подай соответствующее заявление, — сказал он мне.

На следующий день я подал прошение в секретариат Вильгельма Пика. Я надеялся, что теперь день свидания недалек. Но и я, а еще в большей степени моя мать, должны были еще долго терпеть и ждать.

«Дело передано дальше», — единственное, что я слышал. Я тогда еще не знал, что моя мать была вывезена в небольшой совхоз в Алтайском крае и что ей приходилось вести невероятную борьбу за то, чтобы добиться от местного отдела НКВД проведения решения центрального НКВД.

Проходили недели и месяцы. Лишь в середине июля 1948 года моя мать получила от Барнаульского отдела НКВД разрешение на выезд и шесть недель спустя, 29 августа 1948 года, прибыла в Берлин.

Она провела 13 лет в Советском Союзе, из них 12 лет в тюрьмах, лагерях и ссылке.

Лишь позже она рассказала мне, что произошло с 25 на 26 октября 1936 года, когда она была арестована в Москве. Ее сначала привезли на Лубянку, а затем перевезли в пресловутые Бутырки. Только после восьми месяцев заключения, уже в июне 1937 года, ей объявили приговор — пять лет. Затем ее выслали в Коми АССР, и после длительного пребывания во многих пересыльных лагерях в январе 1938 года она прибыла в Кочмесс, принадлежащий к лагерям Воркутинского района. Там и в лагере инвалидов в Адаке она провела более восьми лет своей жизни. Наконец в апреле 1946 года, через девять с половиной лет после ее ареста, ее выпустили из лагеря,

но задержали вместе с другими немцами в Кожве на Печоре. Ей был сообщен приказ НКВД, что ни один немец не имеет права вернуться на свое прежнее место жительства, а все они будут переселены в Сибирь. Омская область и Алтайский край предлагались немцам «на выбор». Мать выбрала небольшое селение Кальманку в горах Алтая. Она прибыла туда в мае 1946 года. Там жилось ей, однако, еще хуже, чем в лагерях на Воркуте. В конце концов прожив более двух лет на Алтае, она получила 19 июля 1948 года разрешение на выезд и вернулась через Москву в Берлин...»

Фрагменты из книги Сюзанны Леонгард.

«Станция Калманка произвела пугающе плохое впечатление. Везде запущенность и крайняя нищета. Около трети жителей составляли поволжские немцы, вынужденно переселенные сюда. Я пошла в школу, где попросила показать географическую карту района, так как Соня думала, что нас, вероятно, отправят вглубь района. Но карты Калманского района в школе не было. Потом я пошла в сельсовет. Председатель сказал мне, что мы должны немедленно явиться в НКВД в райцентре, в одноименном селе, которое находится в 26 километрах от станции Калманка. Наши попутчики знали, что НКВД открыто для приема населения только с десяти до одиннадцати часов, так что нам придется ночевать в районной деревне Калманка. Нам дали адрес немцев из их родного поволжского села, живущих теперь в райцентре.

...Соня предложила мне пока пожить у них, а после того как Иоахим и Тина отоспались, они тоже переехали к Герберам, хотя места на полу у нас троих почти не было».

«Между тем мы видели жилищные условия вынужденных переселенцев и должны были заметить, что поволжские немцы были размещены гораздо хуже, чем мы. В комнате среднего размера в большинстве своем жили две семьи, часто это были десять или одиннадцать человек. В некоторых хижинах не было ни одной кровати. То, что дети двух-трех лет спали на земле, было повсюду, в том числе и у состоятельных русских. В лагере мы считали, что уже знакомы с минимумом жилищной культуры, и теперь оказалось, что здесь люди жили еще более скучно».

«...Однажды в августе агроном Панин, секретарь парткома Беловолов и три гося из Барнаула отправились на охоту. Через несколько часов Беловолов привезли в совхоз на носилках умирающего. Если бы пострадавший был рядовым сотрудником, наверное, не было бы большого шума. В конце концов, несчастные случаи на охоте могут произойти где угодно. Но поскольку потерявший был секретарем партийной организации, НКВД, естественно, почуял нападение

на партию и провел проверку в Кубанке. Всех жителей подвергли жестким допросам по «делу об убийстве Беловолова». Никто так и не узнал, что происходило за закрытыми дверями. Вроде бы один друг случайно застрелил другого. Но популярный замдиректора с Кубанки исчез. Мы все боялись, что его приговорили к сроку в лагере, но, кажется, его в наказание только перевели в другой регион. Сын Беловолова, Николай, учившийся тогда в шестом классе, впоследствии получал по почте 300 рублей в месяц. Наказать несчастного стрелка тем, чтобы он заботился о мальчишке-сироте, вместо того, чтобы отправить «убийцу» в исправительно-трудовой лагерь, этого от НКВД не ожидали. Кубанка оплакивала «убийцу» больше, чем «убитого». Бывшему директору Самсонову после этого случая пришлось преждевременно вернуться с обучения на курсах. Совхоз снова испытал его кнут...»

«Мы приступали к работе в семь утра, и работали до той поры, пока не зайдет солнце, до девяти или десяти часов вечера. Обеденный суп доставлялся в поле, поэтому у нас редко был перерыв на обед дольше получаса. Даже в лагере меня так не эксплуатировали. Вечером у нас были сильно опухшие лица. Ноги тоже постоянно опухали. У меня опухоль распространялась только на голени, но Тина жаловалась на «воду в животе». В конце концов в лагере у нас была приличная медицинская помощь. Но в Кубанке не было ни «инвалида», ни врача. У меня было несколько сердечных приступов, и никого это не волновало. На месте была только одна акушерка, которая ничего не понимала в медицине, кроме небольшой полевой, лесной и луговой гинекологии, которая была ее ремеслом. Невежественный грубый человек, она никогда не давала освобождения от работы, за исключением случаев, когда кто-то сломал ногу или когда женщина родила ребенка».

Крестьяне села Кубанка. 1940-е годы.

Из архива Надежды Частухиной, учителя истории и руководителя музея «История села Калманка и Калманского района»